

Томас Лукман

Замечания об описании и интерпретации диалога*

Онтологические допущения, методологические следствия

Коммуникация является необходимым условием организации социальной жизни. Соответственно, в ходе эволюции среди разных видов сформировались разные формы коммуникации. Независимо от того, какие еще характеристики или комбинации характеристик могут отличать человека от других форм жизни, вероятно, наиболее важная среди них — специфически человеческая форма коммуникации. Язык возник в результате слияния общих с коммуникативными системами приматов свойств и эмерджентных, уникально человеческих черт. В языке, как естественном, так и изобретенном человеком, естественно-искусственном (эти термины предложил Гельмут Плеснер (Plessner, 1961, 1965) в своей философской антропологии), структуры объединяются в функциональную систему. Как форма коммуникации, которая позволяет указывать на объекты и события, находящиеся пространственно и темпорально вне пределов досягаемости участников взаимодействия, эта система важна для организации социального взаимодействия. Но еще важнее то, что она выступает необходимой предпосылкой накопления, от поколения к поколению, социальных запасов знания, образующихся во взаимодействии (Schutz and Luckmann, 1973). Эти запасы знания становятся частью социально-культурного априори (традиций, культур), которое кодeterminирует организацию социального взаимодействия в исторических обществах.

Человеческая социальная реальность конституировалась как коллективная арена субъективно осмысленного социального взаимодействия в длинных цепочках прямых, intersубъективных коммуникативных процессов, в диалоге, и поддерживается и трансформируется в этих процессах. Поэтому анализ диалога является главной задачей не только дисциплин, специализирующихся на исследовании языка как системы коммуникативных форм, но и всех остальных социальных наук, которые изучают процессы коммуникативного взаимодействия и их результаты.

Первая трудность при анализе диалога, как и любых процессов человеческого взаимодействия, — это превращение коммуникативных процессов в поддающиеся анализу данные. Именно этой трудностью можно объяснить то, почему различного рода данные предпочитались и, в общем, до сих пор предпочитают в гуманитарных науках. На фоне быстротечности процессов взаимодействия и коммуникации, их квазиобъективные продукты кажутся стабильными, допускающими неспешные и верифицируемые описание и анализ. Методологическое предпочтение, отдаваемое социальными науками искусству и артефактам, актуарной статистике и реестрам, документам и другим «материальным» объектам, было основано на предположении, что эти процессы недоступны точному описанию и что субъективное необъективируемо. Методологическое пристрастие, определяемое технической трудностью фиксации процессов социального взаимодействия, привело к искажению теоретического представления о человеческой реальности. В итоге односторонне привилегированным статусом был наделен *εργον* человечества, ценой его *ενεργεια*, если мне будет позволено обобщить термины, которые Вильгельм фон Гумбольдт (von Humboldt, 1836) применял для характеристики двух фундаментальных аспектов языка.

Однако данные, основанные на относительно стабильных продуктах социального взаимодействия и коммуникации, представляли собой лишь верхушку гигантского айсберга

* Luckmann, T. (1999). Remarks on the Description and Interpretation of Dialogue. *International Sociology*, 14(4), 387-402.

© Центр фундаментальной социологии, 2003.

© Корбут А., 2003.

социальной реальности. Большая его часть оставалась погруженной в *практику* повседневной жизни. Казалось, что она никогда не станет доступной для прямого наблюдения, детального изучения и точного анализа. Полевые записи этнографов считались неадекватно отражающими эфемерные процессы, наблюдаемые «в поле». Кроме того, они были открыты для обвинений — часто довольно поверхностных — в субъективной, культурной, классовой или, с недавних пор, гендерной предубежденности. Поэтому был предпринят поиск того, что позволило бы осуществить по крайней мере не прямое наблюдение основной части айсберга, хотя, будучи непрямым, оно все-таки должно было опираться на надежные методы постижения. В некоторых ответвлениях современной социальной науки замену прямого наблюдения нашли, предположительно, в симуляциях взаимодействия в ситуациях «лабораторных» экспериментов, в других — в квазиобъективной фиксации квазиизмеримого «мнения». Такая ситуация преобладала в психологии и, за некоторыми выдающимися исключениями, в социологии с первых десятилетий двадцатого века. Даже социальная антропология, похоже, начала испытывать угрызения совести за то, что она продолжает применять полевое наблюдение и по-прежнему полагается при сохранении наблюдений на селективную призму полевых записей.

Возможность точного анализа процессов, в которых производится все многообразие материальных и нематериальных продуктов социального взаимодействия, зависит от возможности «замораживания» этих процессов для последующего повторного изучения (Bergmann, 1985). Это нельзя было осуществить до появления в относительно недавнем прошлом технологии сначала аудио-, а затем и видеозаписи подобных процессов. Тем не менее, данные нововведения не заменили анализ продуктов социального взаимодействия, начиная с пищи, одежды, орудий труда, заводов, церквей, тюрем и кладбищ и заканчивая кодексами законов, реестрами рождаемости, музыкальными партитурами, литературой и т. д. Исследования этих продуктов по-прежнему заслуженно проводятся, а производство продолжает выступать *целью* взаимодействия. Однако симуляции социальной реальности — артефакты квазиобъективности — похоже, становятся динозаврами методологии социальной науки. Внимание и усилия все больше и больше должны направляться на анализ «процесса производства», связанного с «продуктом» и его «потреблением», то есть на взаимодействие или диалог как, одновременно, *элемент* социальной реальности и *источник* большей ее части¹.

Если привычно упростить рекурсивную природу всего научного предприятия, то можно сказать, что научный анализ «начинается» с выработки данных, а именно с наблюдения и описания того, что было увидено. Упорядочивание данных на более высоких уровнях обобщения «заканчивается» объяснением, то есть сведением данных в рассказ о предшествующих условиях и следствиях в терминах причин и функций. Фундаментальное предположение состоит в том, что есть нечто, что можно наблюдать, описывать и объяснять и что существует до наблюдения, описания и объяснения. За исключением интеллектуально бесплодного дискурса некоторых современных центров постмодернистской моды, это предположение остается базовым допущением научного сообщества. Наука разделяет онтологический реализм со здравым смыслом. Однако здравый смысл рассматривает «реальность» как очевидную и не требующую вопросов; его реализм эпистемологически наивен. Такая наивность не имеет права — хотя это периодически случалось раньше и случается теперь — становиться формой, которую принимает реализм в науке. Она преодолевается, во-первых, посредством рефлексии конститутивной роли описательных и объяснительных *действий* человеческого разума при описании и объяснении и, во-вторых, посредством обращения исторически и социологически искушенного взгляда на влияние, оказываемое на эти действия *традициями* («парадигмами») сообщества исследователей.

В этом отношении нет никакого существенного различия между естественными и социоисторическими, гуманитарными науками. И те и другие реалистичны, не должны быть

¹ Этнометодология и ее ответвление, анализ разговорной речи, первыми начали исследовать эту относительно неизведанную территорию.

эпистемологически наивными в своем реализме и имеют общую объяснительную (космологическую) цель.

Однако различие *есть*, и немаловажное. Беспристрастный взгляд на «нечто», существующее там для социальных наук, показывает, что оно существует в особой форме. Поскольку это «нечто» должно быть адекватно превращено в данные и поскольку его следует объяснить так, чтобы отдать должное человеческой природе данных, эта особенность должна приниматься в расчет с самого начала. Несомненно, все в человеческом мире, включая это «нечто», существующее там для социальных наук, может быть рассмотрено как существующее там тем же самым элементарным способом, каким существует все в мире: как часть окружающей действительности. Люди являются частью природы; все, что известно о них на физическом, биохимическом, биологическом, физиологическом уровнях объяснения, может обеспечить ответы на вопросы в рамках общей космологической парадигмы, систематически заполняя один уровень на другим. Однако дисциплины, ориентированные на изучение этих природных уровней, дают мало прямых ответов на вопросы, касающиеся человеческих дел как *специфически* человеческих, исторических дел. Они могут помочь ответить на них непрямо, путем описания эмерджентного характера «искусственной» человеческой природы, эволюционной истории нашего вида. Связь между дискурсом естественных и гуманитарных, социоисторических наук важна во многих отношениях, особенно для прояснения того, что именно в человеке главным образом от животного, позвоночного, млекопитающего или примата, и что в нем специфически человеческое (см., например, Luckmann, 1979). Эта связь должна быть систематической связью между уровнями дискурса; она должна избегать того, что в философии известно как категориальная ошибка, ошибка, часто принимающая вид анекдотических и метафорических скачков с одного уровня на другой.

Как обычные люди мы знаем, или думаем, что знаем, кое-что о человеческих делах и действуем на основании этого знания. Независимо от того, насколько правильно наше знание в соответствии с некоторым внешним критерием, оно направляет действие и ведет к «реальным» результатам: «Если люди [*sic*] определяют свои ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям» (Thomas, 1928). Однако знание проверяется на опыте, так что относительная правильность по крайней мере некоторых, если не всех, видов знания является следствием практики. Время от времени мы обнаруживаем, иногда с болезненными для себя как индивидов или как составных элементов коллективных организмов последствиями, что нашего знания недостаточно для достижения практических целей в повседневной жизни. Даже если мы не мотивированы общим любопытством к тому, «почему» и «как» происходят события, не затрагивающие наших непосредственных интересов, из практических соображений мы должны знать больше и, следовательно, занимать теоретическую установку. Эта установка рано или поздно выходит за пределы здравого смысла и, при некоторых исторических социоструктурных условиях, ведет к формированию разного рода космо(мифо)логических теорий. Одна из, возможно, случайных линий ее исторического развития привела к появлению современной науки. Но даже тогда, за внешним обликом мифа, теории и науки, некоторые предположения, лежащие в основе нашей практической деятельности в повседневной жизни, которые де-юре принесены в жертву превосходящей теоретической интуиции, де-факто не отброшены и продолжают считаться само собой разумеющимися.

Мы считаем само собой разумеющимся, что люди делают (или не делают) что-либо, потому что они хотят (или не хотят) это делать. Данное фундаментальное убеждение не поколебали ни исламский и кальвинистский варианты доктрины предопределения, ни бихевиоризм. Если создается впечатление, что люди делают нечто, противоречащее их желаниям, мы предполагаем, что у них есть веские основания делать это — или что они сошли с ума. Мы считаем само собой разумеющимся, что человеческие действия — если это не действия одержимого — мотивируются чем-то предшествующим действию в сознании акторов. Мы считаем само собой разумеющимся, что действия ориентированы на

достижение ближайших или отдаленных будущих целей. Мы не сомневаемся, что люди предпринимают определенные действия тогда, когда думают, что шаги, которые они осуществляют, имеют шанс (при некоторых обстоятельствах, возможно, минимальный) привести к желаемой цели. Короче говоря, мы полагаем, что действия ведут к ожидаемым последствиям — тем, которые, как мы надеемся, должен вызвать акт. Очевидно, именно по этой причине мы в первую очередь действуем. Если определенные действия постоянно не достигают поставленных нами целей, мы обычно пересматриваем свое знание о шансах на успех. Кроме того, нередко мы обнаруживаем, к своему прискорбию, что действия, как внешне тривиальные, так и важные, приводят к результатам — иногда сразу, иногда гораздо позже по ходу нашей жизни, — которых мы не предполагали или даже хотели избежать. Мы так же замечаем, что не только наши современники, но и наши предшественники — конкретные люди и огромное число анонимных индивидов — влияют на нашу жизнь, иногда даже много времени спустя после своей смерти. Другими словами, мы обнаруживаем, что человеческие дела — это *социальные* дела, что социальные дела — это *исторические* дела и что отличительной особенностью исторических дел является комбинация целенаправленной человеческой деятельности и некоторой степени *случайности*.

Это и является источником той особенности, которой отмечено «нечто», существующее там для социальных наук, причем существующее там независимо от них, до выработки данных и их объяснения. Данная особенность — субъективная и интерсубъективная осмысленность человеческих дел в целом и социального взаимодействия в частности — не должна игнорироваться гуманитарными науками с единственной целью — избежать методологических трудностей, которые она создает. Если она игнорируется, то вместе с ней игнорируется все специфически человеческое в человеческой жизни. Чтобы предотвратить такие фатальные последствия, к тем двум допущениям, которые социальные науки разделяют с естественными, необходимо добавить еще одно. Это в одинаковой мере реалистическое допущение (артикулированное в современном дискурсе уже в «антропологических» работах Маркса) о том, что каковы бы не были предполагаемые универсальные физические и биологические условия, человеческие дела, включая многие из тех, которые производят впечатление своей неизменности, конституируются в человеческих действиях и что человеческие действия в значительной мере определяются *второй природой*, преднамеренными и непреднамеренными последствиями длительных цепочек предшествующих действий.

Повторим: *первое* допущение, разделяемое с другими науками, состоит в том, что данные социальных наук конструируются описаниями того, что уже существует «там» вне этих конструкций. *Второе* допущение, также разделяемое с другими науками, состоит в том, что описательная и объяснительная деятельность любой науки является конститутивной для описаний и объяснений и что эта деятельность находится под влиянием традиций сообщества исследователей. *Третье* допущение не разделяется с другими науками. Оно состоит в том, что «нечто», существующее «там» для социальных наук, не поддается прямому или инструментально опосредованному наблюдению и описанию. В социальных науках то, что было уже (пред)сконструировано в деятельности, направляемой практической установкой повседневной жизни, реконструируется в теоретической установке науки в соответствии с общей космологической целью. Описательные процедуры получения данных являются, тем самым, рефлексивными процедурами. Систематическая оценка этой рефлексивности по крайней мере столь же важна для социальных наук, как «теория» измерения — для физики. Та роль, которую протофизика играет в последней, протопсихология и протосоциология — предоставляемые, как мне кажется, феноменологией жизненного мира — играют в первых (Janich et al., 1974; Böhme, 1976; Luckmann, 1973).

В терминологии, предложенной Альфредом Шюцем, «там» для социальных наук существует область (повседневных) конструкторов первого порядка. Они конституируются как типичные смыслы, которые различные виды взаимодействия имеют для обычных людей. Область конструкторов второго порядка состоит из систематических «идеализаций»

конструктов первого порядка, теоретически мотивированных трансформаций конструктов первого порядка в конструкты второго порядка (Schutz, 1962, 1964, 1966).

Обе области включают несколько уровней. Конструкты первого порядка являются конструктами «обыденного языка». Они варьируются в диапазоне от таксономий общепринятого языка, словарей мотивов и т. п. до риторики действия и (мифологических, квазинаучных и т. д.) этнотеорий. Конструкты второго порядка реконструируют их, уделяя внимание их повседневной структуре и формализуя их на различных уровнях обобщения. Нужно помнить, что конструкты второго порядка — *не* объяснения. Формулирование конструктов второго порядка происходит все еще на описательном уровне научной процедуры, там, где вырабатываются данные. С другой стороны, конструкты второго порядка не просто воспроизводят конструкты первого порядка. Конструкты первого порядка представляют собой типичные смыслы, которые действия имеют для акторов. Они вытекают из практических интересов акторов и социально объективируются в коммуникативных процессах, которые структурированы в соответствии системами релевантности, преобладающими в повседневной жизни. Конструкты второго порядка являются селективными, идеально-типическими реконструкциями этих типичных смыслов и констелляций типичных мотивов, которые определяют ход различных видов действия. Они селективны, поскольку в той мере, в какой ими управляет теоретическая система релевантности, интерес к осуществлению классификаций в сравнительных целях означает выявление как общих структур исторических социальных миров, так и специфических генеалогий подобных структур. Они представляют собой идеально-типическую попытку специфицировать диапазон типичности в применении к различным областям взаимодействия — от «локальных» (в рамках времени, то есть эпохи и поколения, и пространства, то есть культурно-социального региона и среды) до универсально человеческих.

Селективность и идеально-типическая формулировка конструктов второго порядка определяют их методологический статус. Хотя они принадлежат, как только что было сказано, к дескриптивному уровню научной процедуры, они не полностью аналогичны «объективным» измерениям в физических науках. Реконструкция типичных смыслов, идущая от «локального» к универсальному, — это шаг, который существенно отличается от соответствующего шага выработки данных в физических науках. Конструкты второго порядка являются результатом не измерений, а интерпретаций. Строго говоря, они являются результатом интерпретаций *пред*интерпретаций. Интерпретативными процедурами движет теоретический интерес к выявлению «локальных» и универсальных типичностей с целью оценки «локальных» и универсальных особенностей социального взаимодействия, социальной структуры и «культуры». Как результат, описательный уровень получения данных в методологии социальной науки оказывается близко связан с ее теоретическим и объяснительным уровнем. Отношения между теорией и данными здесь более тесные, чем это постулируется в традиционной гипотетико-дедуктивной модели. Но, повторяем, вне зависимости от того, как строятся «теоретические» конструкты второго порядка, они не составляют объяснительной теории.

Подобные реконструкции специфицируются как «локальные» или «универсальные» (или как промежуточные, можно сказать, «региональные») в категориях времени, пространства и области. Первые спецификации касаются, конечно, самих данных. Вопросы — это вопросы, а ответы — это ответы. На втором, формализующем шаге устанавливаются структурные сходства, например, в нашем случае, смысло-структура «смежных пар», которая характеризует не только вопросы и ответы, но также приветствия и встречные приветствия, и т. д. Другой, более сложный пример, тоже взят из сферы коммуникативного взаимодействия, — коммуникативные жанры. Они представляют собой формализованные реконструкции типичных и, при некоторых условиях, обязательных для определенных разновидностей коммуникативных проектов intersубъективных смысловых моделей (см. Luckmann, 1995).

Частота возникновения как типичной смысловой структуры, так и условий ее актуализации в социальном взаимодействии устанавливается посредством идентификации «случаев» («идентичность» которых узнается в результате применения только что обсужденных интерпретативных процедур) и «подсчета» этих случаев при помощи соответствующих методов «выборки» или полных перечней.

Если отталкиваться от «локальных» конструкторов первого порядка, то первое, что бросается в глаза, — их культурная и историческая специфичность. Они артикулируются в различных обыденных языках, принятых в конкретном времени и месте. Шаги формализации, ведущие к появлению конструкторов второго порядка, в порядке пробы расширяют диапазон применимости к другим средам, культурам и периодам. Для того чтобы обосновать такое расширение, конструкторы второго порядка используются как инструменты поиска, как эвристики, что показывает, возможна ли их ретрансляция в соответствующий обыденный язык и «согласуются» ли они с конструкторами первого порядка в соответствующей области взаимодействия.

Интерпретация как реконструкция смыслов коммуникативного взаимодействия

Реалистическое допущение о том, что человеческое действие осмыслено и что первый шаг при анализе смысла действия состоит в реконструкции типичных смыслов, которые действия имеют для типичных акторов, ставит весьма сложные вопросы перед методологией гуманитарных наук. Мы не должны от них уклоняться, если хотим — говоря в терминах Вебера — сохранить «субъективную адекватность» «объективных» типологий социальной реальности (Weber, 1968).

В обыденной жизни индивиды исходят из молчаливой предпосылки, что как их собственные действия типично осмысленны для них самих, так и действия других типично осмысленны для них. Именно на основании этого они способны более или менее успешно предсказывать последствия своих проектов и, опять же, с различной степенью удачности, предвидеть действия других индивидов. В социальном взаимодействии особенно важна область антиципаций в отношении реакций других на собственные действия. Достоверность указанной предпосылки — которая объясняет тот факт, что социальные миры не являются абсолютно хаотичными, — подтверждается снова и снова как для заинтересованного участника, занимающего практическую установку повседневной жизни, так и для незаинтересованного наблюдателя, занимающего теоретическую установку социальной науки.

Хотя общую достоверность этой предпосылки нельзя поставить под серьезное сомнение, более детальное ее рассмотрение обнаруживает некоторые методологические проблемы. Каковы эти проблемы и как возможна, несмотря на них, более или менее точная реконструкция типичных смыслов действий?

Во-первых, не все действия социально объективированы в терминах общепринятого языка, по крайней мере, не в такой форме, чтобы их можно было непосредственно соотнести с мотивами и целями (по шюцевской терминологии — мотивами «потому-что» и «для-того-чтобы»).

Нет никаких оснований полагать, что существует полная изоморфия между тремя различными уровнями реальности: социально объективированной семиотической системой обыденных языков, индивидуальным запасом знания и смысло-структурой субъективного опыта. Если принять во внимание огромное разнообразие синтаксических и лексических структур, составляющих универсальное ядро структуры человеческого сознания, то фактически внутренняя форма языка говорит против такой изоморфии, даже если бы для этого не было никаких иных оснований.

Как правило, термины общепринятого языка относительно четко очерчивают контуры субъективных смыслов действий с целью обеспечения возможности интерсубъективной коммуникации по поводу этих смыслов действий. Любое общество испытывает

фундаментальную потребность в (по крайней мере приблизительно семантическом) согласии. Эта потребность варьируется в диапазоне от требований координации рабочих процессов в настоящем с целью планирования совместной деятельности в будущем до пропорционального распределения ответственности за прошлые действия. При отсутствии подобных терминов не следует делать априорный вывод о том, что действия «бессмысленны» для актора. Однако когда этих терминов недостаточно для интересубъективной коммуникации на уровне конструкторов первого порядка, их реконструкция второго порядка оказывается, соответственно, более сложной.

Во-вторых, степень точности терминов общепринятого языка, указывающих на смысл действия, бывает различной. Смысл некоторых действий объективируется в относительно неопределенных понятиях и фразах. Адекватно ли репрезентирует неопределенность терминов соответствующую неопределенность смысла, который действие имеет для акторов, остается открытым вопросом. Смысл может быть даже неопределеннее или равно неопределенным, хотя может быть и заметно более точным. Эту проблему сложно решить в ходе реконструкции и менее всего при помощи последующих вопросов. Однако рассмотрение «контекста» — больше в последнем случае — может помочь нам. Все эти проблемы особенно остро встают при реконструкции типичных смыслов действий, которые *не* направлены на других индивидов. Подобные действия не представляют интереса ни для одной из социальных наук, за исключением психологии. Поднимаемые ими методологические проблемы имеют лишь минимальное и косвенное значение для исследования социального взаимодействия.

В-третьих, типичные для участников смыслы социальных интеракций почти регулярно объективируются в терминах и фразах общепринятого языка, в интересубъективно понятных словарях целей и мотивов, в таксономиях планов и направлений действия в различных областях (например, в областях труда и досуга в повседневной жизни), в лексике и риторике сообщений, оправданий, упреков, обвинений и т. д. «Ярлыки», навешиваемые участниками социального взаимодействия на то, что делают они сами и другие, можно рассматривать как конструкторы первого порядка, которые обычно представляют собой разумно приемлемые смыслы, на которые участники совместно и взаимно ориентируются — в границах своих субъективных перспектив, конечно же.

Таким образом, проблемы, возникающие при реконструкции типичных ядерных смыслов социального взаимодействия, не столь серьезны, как те, с которыми столкнулись определенные области психологии, изучающие субъективный смысл индивидуального опыта. Конечно, даже этот смысл в значительной мере «социализируется» семантикой обыденного языка. Однако идиосинкразическая кайма смысла, окружающая ядерные смыслы в любом конкретном примере исторически и биографически уникального субъективного опыта, как правило не интересует методологию социальных наук.

Этот вопрос может по-иному видаться художниками, например, поэтами, даже в рамках строгих литературных жанров, а также учеными, изучающими поэтические произведения и их субъективные истоки. Если развить этот пример, то, возможно, было бы полезно рассмотреть различные виды субъективных «отклонений» от ядерных смыслов опыта и действия как *потенциальные* источники изменений. «Отклонения» обычно будут приписываться «уникальному контексту» истории жизни индивида. Если значимые аспекты этого «уникального контекста» начинают определять условия жизни других, быть может, в результате социально-структурных преобразований, «отклонения» становятся все более типичными для разных видов действия и опыта в определенной среде и, при некоторых условиях, во всем обществе. Отсюда следует, что игнорирование выглядящих идиосинкразическими «отклонений» может привести к обеднению методологии, а поскольку подобные «отклонения» могут быть предвестниками изменений, их игнорирование угрожает серьезными опасностями. Реконструкции смысла социального взаимодействия в целом и коммуникативного взаимодействия в частности должны, поэтому, уделять внимание не только устоявшимся, но и зарождающимся типичностям.

В-четвертых, в случае коммуникативного социального взаимодействия обозначенные проблемы менее остры, по крайней мере, в еще одном важном отношении. Типичные смыслы коммуникативного взаимодействия актуализируются самими акторами. Коммуникативные проекты акторов в диалоге являются проектами, которые, по определению, используют социально объективированные ресурсы языка и других семиотических систем. Сторона «выработки» непосредственно связана со стороной «восприятия» и чередуется с ней. Другими словами, коммуникативные проекты переплетаются в темпоральной последовательности. Они воплощаются в (не полностью) «дискретных» лингвистических элементах (в таких минимальных единицах смысла, как слова, тональные единицы, сигналы о получении сообщения и т. д.), а также в по-разному обязательных последовательностях (диалогических «смежных парах», «более слабых» формах удвоения и т. д.). В коммуникации лицом к лицу они так же воплощаются в экспрессивных структурах и нелингвистических (жестикоуляционных, мимических и т. п.) семиотических системах. Они используются при рутинном употреблении языка в диапазоне от идиоматических фраз до жанров.

Знание лингвистических и других семиотических систем, как выразительных структур, так и жанров, может молчаливо функционировать и оседать в квазиавтоматически реализуемых привычных коммуникативных практиках. Оно может быть эксплицитным, может даже входить в коммуникативные этнотеории и применяться в осознанно выстроенных коммуникативных проектах. И молчаливое и эксплицитное знание является частью социального запаса знания общества, социального класса, среды или группы. Иными словами, оно социально распределено, целиком или ограниченно, в зависимости от типа общества и функций конкретной подсистемы задействованного знания. Таким образом, поскольку элементарная коммуникативная компетентность является предварительным условием участия, составляющие ее знания обычно передаются в процессе первичной социализации. Специальные навыки, например, знание определенных коммуникативных жанров, могут стать частью экспертного знания, которое доступно только внутри специальных карьер в пределах вторичной социализации. Кроме того, знание о социальном распределении знания, включая знание о социальном распределении коммуникативного знания, само является частью социального запаса знания (оно особенно ценно как ресурс для планирования «формы получения сообщения» в коммуникативных проектах). Оно тоже социально распределено, более или *менее* равномерно.

«Единицы» смысла и контекстов

Один из самых сложных вопросов, возникающих при реконструкции типичных смыслов, ассоциируемых с типичными действиями, связан с тем фактом, что смыслы не являются независимыми, изолированными «единицами» (Simmel, 1957). Их невозможно измерить по пространственно-временной шкале и нельзя реконструировать как замкнутые и обособленные «элементы». Безусловно, типичные смыслы имеют контуры, которые в некоторой степени отделяют их в индивидуальном потоке сознания от того, что следует до и после них, например, как темпорально и пространственно ограниченные проекты действия. Они отличаются от других типичных ядерных смыслов, например, альтернативных проектов действия, с различной степенью отчетливости, и по мере того, как они сменяют друг друга в потоке опыта, индивид может фиксировать их, в рефлексии, с различной степенью ясности.

Опять же, что касается целей реконструкции, в случае коммуникативного взаимодействия проблемы не столь сложны. Участники диалога, как и не прямых, опосредованных форм коммуникации, обладают рутинным сознанием — или даже эксплицитным знанием — идеализированных сегрегированных форм как носителей смысла (высказываний; в языках, которые состоят из слов, — слов, и т. д.). В принципе, в процессе коммуникации они могут узнавать их как конститутивные единицы. Однако это не означает, что данные конститутивные единицы фиксируются аналогично тому, как разыскиваются

отдельные статьи в словаре. Они обязательно «вложены» в более широкие целостности, которые несут в себе объемлющий смысл, синтагматически и парадигматически объединяющий эти «единицы».

Какой бы не была мельчайшая единица смысла, которую можно обнаружить в человеческом опыте, — а это дополнительный вопрос (обсуждаемый Зиммелем [Simmel, 1957]) — она обязательно включена в несколько различных «линий» объемлющей смысловой структуры. Наиболее важные из них принадлежат индивидуально-биографическим системам релевантности, институционально определенным «карьерам» в дифференцированных регионах социальной жизни и взаимодействия и религиозным иерархиям смысла. В каждом конкретном случае взаимодействия — здесь нас особенно интересует коммуникативное взаимодействие — конститутивные «единицы» смысла, вероятно, «вложены» одновременно в более чем одну из несовпадающих объемлющих смысловых структур. Однако так же вероятно, что в зависимости от ситуации (которая, безусловно, является социальной ситуацией, соопределяемой другими ее участниками) различные сверхупорядоченные смысло-структуры будут неодинаково релевантными или неодинаково определяющими в отношении «вложения» конститутивных смысловых «единиц».

Очевидно, что реконструкция конструкторов первого порядка — это не простой вопрос идентификации «единиц» смысла (как будто бы этот вопрос сама по себе прост!). Она обязательно предполагает реконструкцию множественной включенности смысловых «единиц» в более широкие смысло-структуры. Видимо, невозможно специфицировать, что именно наиболее релевантно и определяюще в любом конкретном, уникальном историческом примере взаимодействия и диалога. Но теоретический интерес социальных наук к сравнению и обобщению мотивирует даже на этом описательном уровне исследования, где происходит выработка данных, реконструкцию типических «единиц» смысла в типичных структурах включенности, которые предопределяются как в институционально-культурной коллективной практике, так и в личностно-центрированных социальных определениях «карьер» и направлений жизни.

Понятно, это не простые вопросы. Не существует легкого решения проблем, возникающих при реконструкции смысла социального взаимодействия и диалога. Для некоторых целей можно, наверное, — хотя я сомневаюсь в этом — упростить проблемы при помощи грубых методов, например, «контент-анализа» или кодировки схем взаимодействия. Трудности игнорируются в силу того, что Сикурель (Cicourel, 1964) назвал методологическим *принуждением*. Субъективная адекватность квазиобъективных данных, тем самым, теряется, независимо от того, какие приемы используются для проведения предварительной проверки. Последовательный анализ диалога, с другой стороны, шаг за шагом прослеживает интересующее конституирование интерактивного и диалогического смысла и благодаря этому поддерживает субъективную адекватность конструкторов второго порядка. Однако его, как это и должно быть, чрезвычайно сложно применить к изучению больших корпусов «текстов», а не только предварительно отобранных примеров. Его сложно применить, но несмотря на трудности (неопределенность/точность, сверхартикулированность/недоартикулированность, изолированные единицы/«вложение» и т. д.), с которыми сталкивается последовательная пошаговая реконструкция, для соблюдения базового методологического принципа «субъективной адекватности» остается истинным правило удержания, насколько возможно, перспектив акторов (их систем релевантности).

Было бы верно, но банально утверждать, что каждое слово, каждая фраза, каждый коммуникативный эпизод будут иметь разное значение для разных людей. Верно, потому что уникальная биография индивида и субъективная система релевантности предоставляет возможность определенной идиосинкразической вариации. Банально, потому что ключевым моментом коммуникативного взаимодействия является то, что участники действуют на основании предположения, что при любых практических целях и пока нет явного

свидетельства противоположного лексические элементы интерпретируются приблизительно одинаковым способом и что коммуникативные проекты во всей своей целостности, с включенными в них смыслами и последовательностью реализации, тоже практически понятны. Отсюда следует, что типические «единицы» смысла и типичные структуры включенности — это не произвольные теоретические концепты, а конструкторы второго порядка, которые тесно связаны со структурой концептов первого порядка, используемых обычными людьми. Реконструкция типичного «вложения», актуализированного в смысле коммуникативных проектов, принципиально возможна, независимо от того, насколько велики технические трудности и насколько «неэкономичны» процедуры последовательного анализа диалога.

Эти трудности обычно, и вполне обоснованно, обсуждались как проблемы (реконструкции) контекста и в самом широком, и в более точном, узком смысле этого слова (см., например, Gumperz, 1982). В методологии интерпретативной реконструкции контекст указывает на контекст смысла для акторов. Задача реконструкции, поэтому, заключается в «формализации» и «идеализации» типически релевантных знаний и предположений участников взаимосвязанных коммуникативных проектов, знаний и предположений, без которых акторы не могли бы понимать друг друга и без которых аналитик не мог бы понимать акторов, — то есть контекста, который делает текст понятным.

В заключении было бы полезно схематически описать основные типы предположений и знаний — в рамках фундаментального принципа взаимности перспектив, — которые обычно не являются частью «текстов», но на которые должны опираться интеракторы при осуществлении взаимодействия.

Интерактивный «контекст»

1. Предположения о степени, в которой применим принцип взаимности перспектив, а именно предположения о нормальности других.

2. Предположения о степени, в которой другие разделяют в релевантных пропорциях социальный запас знания и коллективную память общества, группы и института.

3. Знание о степени, в которой другие разделяли прошлые взаимодействия, начиная с кратковременных биографических встреч и заканчивая длительными отрезками совместной жизни. Такое знание может характеризоваться различной точностью.

4. Знание, смешанное с предположениями, об актуальной ситуации, точнее, о степени, в которой мир, находящийся в пределах досягаемости (в своих пространственных, временных и социальных измерениях), разделяется с другими участниками. Очевидно, что такое знание определяет границы успешного дейксиса.

Диалогический контекст

При реконструкции смысла коммуникативного взаимодействия следует рассматривать все аспекты интерактивного «контекста». Но к ним добавляются некоторые специфические аспекты диалогического контекста:

1. «Коллективная память» о прошлых коммуникативных эпизодах, разделяемая с другими. Этот аспект контекста может создавать препятствия для интерпретации, пока он не переводится в «текст» («Но вчера ты обещал...»).

2. С самого начала коммуникативного эпизода участники начинают разделять воспоминания (в разной мере точные и правильные) о том, что было сказано и сделано. В каждый последующий момент эпизода предшествующие части коммуникативной и, в целом, интерактивной последовательности автоматически релевантны, хотя не обязательно определяющие, для практического понимания текущего коммуникативного процесса его участниками. Поэтому они релевантны для реконструкции аналитика. Иногда, так же, предшествующая часть становится определяющей и повторно вводится в «текст» («Но ты

только что сказал, что...»), тем самым делая эксплицитным то, что имплицитно присутствует в диалоге. Это контекст в самом узком и наиболее точном смысле слова.

3. Наконец, в контекст диалога может входить своеобразная «интертекстуальность». Участники могут узнавать цитаты, принадлежащие известным им — но не аналитику — людям или «медиа-текстам», известным им, но не аналитику (например, из MTV). Реконструкция почти невозможна, если цитата не обозначена просодически (что обычно и происходит, но при этом известно лишь то, что *что-то* цитируется; значение цитаты для текущего коммуникативного процесса может с трудом поддаваться расшифровке) или если она полностью не реконструируется самими акторами («Джон рассказал мне этот анекдот еще на прошлой неделе, но я не хотел прерывать тебя, потому что ты рассказываешь анекдоты гораздо лучше Джона»).

Перевод с английского Андрея Корбута

Литература

- Bergmann, Jörg (1985) 'Flüchtigkeit und methodische Fixierung sozialer Wirklichkeit', in W. Bonss and H. Hartmann (eds) *Entzauberte Wissenschaft. Zur Relativität und Geltung sozialer Forschung*, special volume of *Soziale Welt* 3: 299-320.
- Böhme, Gernot, ed. (1976) *Protophysik. Für und wider eine konstruktive Wissenschaftstheorie der Physik*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Cicourel, Aaron (1964) *Method and Measurement in Sociology*. Glencoe, IL.
- Gumperz, John (1982) *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Janich, Peter, Kambartel, Friedrich and Mittelstraß, Jürgen (1974) *Wissenschaftstheorie als Wissenschaftskritik*. Frankfurt: Aspekte.
- Luckmann, Thomas (1973) 'Philosophy, Science and Everyday Life', in Maurice Natanson (ed.) *Phenomenology and the Social Sciences*. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Luckmann, Thomas (1979) 'Personal Identity as an Evolutionary and Historical Problem', in Mario von Cranach, Kurt Foppa, Wolfgang Lepenies and Dieter Ploog (eds) *Human Ethology: Claims and Limits of a New Discipline*. Paris and Cambridge: Cambridge University Press.
- Luckmann, Thomas (1995) 'Interaction Planning and the Intersubjective Adjustment of Perspectives by Communicative Genres', in Esther Goody (ed.) *Social Intelligence and Interaction. Expressions and Implications of the Social Bias in Human Intelligence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Plessner, Helmuth (1961) 'Conditio Humana', in *Propyläen-Weltgeschichte*, Vol. I. Berlin.
- Plessner, Helmuth (1965) *Die Stufen des Organischen und der Mensch — Einleitung in die philosophische Anthropologie*. Berlin: De Gruyter. (Originally published 1928.)
- Schutz, Alfred (1962) *Collected Papers*, Vol. I. The Hague: Phoenomenologica.
- Schutz, Alfred (1964) *Collected Papers*, Vol. II. The Hague: Phoenomenologica.
- Schutz, Alfred (1966) *Collected Papers*, Vol. III. The Hague: Phoenomenologica.
- Schutz, Alfred and Luckmann, Thomas (1973) *The Structures of the Life-World*, Vol. I. Evanston, IL: Northwestern University Press.
- Simmel, Georg (1957) 'Das Problem der historischen Zeit', in *Brücke und Tür*. Stuttgart: Koehles.
- Thomas, W. I. (1928) *The Child in America*. New York.
- Von Humboldt, Wilhelm (1836) *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*. Berlin: Schneider.
- Weber, Max (1968) *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, ed. J. Winckelmann. Tübingen: Mohr. (Originally published 1922.)